

Глава первая

ПРИЕЗД

У мистера Чарльза обгорела лысая макушка.

Я это заметил, когда он наклонился к розам: рассматривал каждый цветок, изучал, не опадают ли лепестки с самых крупных. Его лысина напоминала ярко-красное пятно, окружённое белыми пушистыми волосами. Вообще в такую жару стоит ходить в шляпе. Наверное, когда ты очень занят, не замечаешь, что сгорел на солнце.

А я вот заметил.

Я много чего замечал, наблюдая за соседями из своего окна.

Ничего плохого я не делал. Просто смотрел, как все проводят время. В чужие дела нос не совал. И никому вроде не мешал. Только Джейк Бишоп из пятого дома обзывал меня чудиком,

тронутым или ненормальным. Мэттью — так он давно меня не звал. Но я особо не обращал внимания на его слова, потому что он дурак.

Мы жили в пригороде, на тихой улице Честнат-клоуз, где все только и твердили, как им повезло родиться здесь, а не в огромном вонючем Лондоне. А сами только и мечтали туда переехать.

Наша тупиковая улица состояла всего из семи домов. Шесть из них казались одинаковыми: с квадратными эркерами, пластиковыми дверями и побелёнными стенами. А вот дом под номером четыре, построенный из кроваво-красного кирпича, выглядел совсем иначе. Словно единственный гость, нарядившийся на хеллоуинскую вечеринку, для которой остальные поленились найти костюм. Два треугольных окошка над чёрной дверью были прикрыты изнутри старым картоном. От сквозняков или от чужих глаз — не знаю.

Папа рассказывал, что дом священника хотели сровнять с землёй ещё лет двадцать назад — до того, как построили наши. Но тот врос вековым фундаментом в землю и отказался вылезать, прямо как старый гнилой зуб. В красном доме до сих пор жила вдова vicария, Старая Нина, но я её редко видел. Лампа за ок-

ном, смотревшим на улицу, горела день и ночь. Мерцающий оранжевый шар за серыми занавесками. Мама объясняла, что так Нина старается не привлекать к себе внимания — боится, как бы её не попросили съехать. Всё-таки после смерти мужа дом ей больше не принадлежал. На крыльце у неё стояло три горшка с цветами, и она поливала их каждое утро ровно в десять.

Я наблюдал за соседями из пустой комнаты с окнами на улицу. Мне она нравилась. Комната выглядела совсем новенькой, и лимонные стены сияли чистотой, хотя прошло уже пять лет со времени ремонта. Родители называли её кабинетом, потому что там стоял компьютер, но мы все знали, что это детская. В углу над горой неоткрытых коробок и пакетов покачивался никому не нужный мобиль — шесть полосатых слоников. Помню, в тот день мама повесила его сразу, как вернулась из магазина, хоть папа и предупреждал, что это к беде.

— Чепуха, Брайан. Конечно, всё будет хорошо!

Она завела мобиль, и слоны закружились под мелодию известной детской песенки «Мерцай, звёздочка, мерцай»*. Когда музыка стихла,

* Детская колыбельная *Twinkle, twinkle, little star*.
Прим. пер.

я захлопал — в семь лет и не такую глупость учудишь. Мама собиралась распаковать остальные покупки позже. Но коробки и пакеты до сих пор стояли нетронутые, а в них — слюнявчики, бутылочки, стерилизаторы, видеоняня, ползунки. Всё, что пригодилось бы моему младшему брату, если бы... если бы он был жив.

Окно кабинета выходило на улицу, и я видел, что делают соседи.

9:30 Мистер Чарльз опять срезает увядшие цветы с кустов. У него новые садовые ножницы с красными ручками. На лысине ожог от солнца.

Мистеру Чарльзу можно было дать сколько угодно лет: от шестидесяти пяти до девяноста пяти. Он вообще не менялся. Как будто выбрал подходящий возраст и решил в нём остаться.

9:36 Гордон и Пенни Салливан выходят из первого. Гордон садится в машину. Пенни машет мистеру Чарльзу.

Мистер Чарльз помахал в ответ, покрутил садовые ножницы на пальце, как ковбой — ре-

вольвер, и трижды резанул воздух. Серебристые лезвия блеснули на солнце. Пенни рассмеялась. Она прищурилась и прикрыла глаза ладонью от света, а потом вдруг помрачнела. Заметила меня. Мистер Чарльз проследил за её взглядом, и оба уставились на моё окно. Я быстро отошёл. Сердце колотилось как бешеное. Потом машина Гордона загудела, и я снова выглянул в окно.

9:42 Пенни и Гордон уезжают за покупками — как и каждую неделю.

9:44 Из третьего выходит Мелоди Бёрд, тащит за собой свою таксу Фрэнки.

По выходным пса выгуливала Мелоди, а в будни — её мама Клодия. Не знаю, зачем они вообще его выводили. Не похоже, что ему это нравилось. Всю дорогу он только и делал, что натягивал поводок, пытаясь повернуть обратно к дому. Мелоди снимала катышки с рукава чёрной шерстяной кофты, останавливаясь каждые три секунды, чтобы Фрэнки её догнал. Она никогда не снимала эту кофту, даже в тридцатиградусную жару. Вскоре они подошли к фонарю. Фрэнки обнюхал его и упёрся когтями в землю, отказываясь двигаться дальше. Но Мелоди всё

равно потащила таксу по дорожке к кладбищу за домом священника.

9:50 Дверь седьмого открывается — выходят «молодожёны».

Мистер Дженкинс и его жена Ханна жили в соседнем доме. Все называли их молодожёнами, несмотря на то что они были уже четыре года как женаты. Ханна вечно улыбалась, даже когда на неё никто не смотрел.

— Разве полезно бегать в такую погоду, Рори? — спросила она мужа, как всегда, сияя.

Мистер Дженкинс молча поднял руку и наклонился в сторону, делая растяжку. Он преподавал физкультуру в моей школе и считал, что без упражнений жизнь теряет смысл. Я не ходил на его занятия и старался особо не попадаться ему на глаза.

Он побежал по дорожке, уперев руки в бёдра. На нём были синие шорты и белая майка, которая плотно прилегала к телу.

— Возвращайся скорее! — попросила Ханна. — Нам же надо выбрать детское кресло, помнишь?

Мистер Дженкинс что-то буркнул в ответ.

Глава вторая

МОЙ ТАЙНИК

У меня под кроватью был тайник.

Хотелось бы мне сказать, что там стоял загадочный сундук, который я выкопал в саду и притащил к себе в комнату, чтобы тайно складывать туда удивительные сокровища. Только для того, кто завоевал бы моё доверие, я открыл бы древнюю крышку. На ковёр упали бы комья земли, но меня это, как ни странно, не встревожило бы. А мой друг разинул бы рот, потрясённо разглядывая скрывающиеся там богатства.

Было бы здорово иметь такой сундук.

Но нет.

Мой ящик был чистым и современным. Из бело-серого картона, размером с обувную

коробку, с овальным отверстием наверху. На боку имя производителя и жирная чёрная надпись:

100 штук

Осталось там, наверное, около шестнадцати.

Под «около» я имею в виду «ровно». Ровно шестнадцать.

Мама знала про мой тайник, а папа — нет. Он бы рассердился, если б узнал. Больше на маму — за то, что она меня «поощряет».

— Так нельзя, Шейла. Зачем ты их купила, а? Ему от этого только хуже!

Вот что он сказал бы.

Он бы не понял, что я не могу жить без этой коробки.

Так я и жил с тайником под кроватью в девятом доме на Честнат-клоуз. Самом обычном доме на две семьи: с тремя спальнями, ванной, кухней-столовой, прямоугольным задним двором с сараем и выходом на большую застеклённую веранду (больше там особо ничего не было, кроме травы). На веранде раньше стояли плетёный диван и два таких же кресла, а всего пару недель назад их заменили новым бильярдным столом. Я сам видел, как грузчики с трудом проталкивают его через

дверной проём. С тех пор папа постоянно спрашивал, не хочу ли я поиграть.

Я не хотел.

Когда он поднимал жалюзи на крыше веранды, из окна моей комнаты можно было увидеть, как папа в одиночку гоняет шары. Вчера он заметил, что я на него смотрю, и, хотя я тут же спрятался за занавеску, уже через минуту папа постучал ко мне в дверь и спросил:

— Не хочешь спуститься, сынок? Поиграть со стариком?

— Спасибо, пап, не сегодня.

После этого он сразу ушёл. Знаю, папа старался как мог, но... бильярд? Серьёзно? Как ему вообще в голову пришла эта идея? Да и я твёрдо для себя решил больше никогда не заходить на веранду. Нашего кота Найджела не раз рвало на холодную белую плитку мышами и птицами. Страшно подумать, сколько там всякой заразы! В летнюю жару всё помещение, наверное, так и кишит микробами. Может, ещё и оставался бы малюсенький шанс, что я решусь погонять с папой шары, но Найджел полюбил дремать на бильярдном столе, чем окончательно отбил у меня всякое желание. Он каждый день растягивался на зелёном сукне, словно готовился

принести себя в жертву богам бильярда. Теперь стол пришлось бы залить антисептиками. После этого он точно испортился бы, а папа наверняка угробил на него несколько сотен фунтов.

Больше всего в доме мне нравилась моя комната. Надёжно защищённая от микробов. Снаружи было опасно. Никто не понимал, что грязь — это микробы, микробы — это болезни, а болезни — это смерть. Хотя всё довольно очевидно. В своей комнате я умею всё держать в чистоте. Главное — не отлынивать.

Здесь я проводил бóльшую часть времени, так что знал комнату как свои пять пальцев. Вот, например:

1. Передняя правая ножка прикроватной тумбочки шатается и стоит немного криво.

2. Краска под подоконником осыпается. Наверное, из-за того, что я слишком часто протираю это место.

3. Высоко над кроватью отходит кусок обоев, и с определённого угла он напоминает льва.

Не дикого короля джунглей, а забавного мармеладного львёнка. С неряшливой гривой, вытянутой плоской мордой и сползшим глазом. Всё-таки обоям было лет десять, и их уже раз пятнадцать покрывали водоэмульсионной краской.

Иногда я разговаривал со львом. Конечно, обращаться к неодушевлённым предметам странно-вато, но наверняка где-нибудь написано нечто подобное: «Примерно на десятый день несчастный человек, избравший жизнь в четырёх стенах, начинает так изнывать от скуки, что принимается заводить разговоры с вещами, которые его окружают. Это совершенно естественно и не должно вызывать тревоги».

В моём случае день был восьмой. Я снова не пошёл в школу, утро выдалось так себе, и лев-с-обоев смотрел на меня из угла. Я сразу почувствовал на себе его взгляд, потому что давно поглядывал на него, но не решался заговорить. И вот наконец не выдержал.

— Ты, наверное, думаешь: «Ох, бедняжка Мэттью! Разве не грустно, что он целыми днями сидит в четырёх стенах? Даже в школу не ходит! Когда он уже наконец перестанет бездельничать и выползет из своей норы?» Так вот — никогда! Можешь обо мне не беспокоиться. Понял?

Когда я выговорился, мне сразу стало легче. Как будто в споре победил. Мама вот разговаривала с котом, и ничего. Никто не считал её ненормальной. Так что после того случая я стал частенько болтать со львом. По-моему,

ничего странного в этом не было. Странно было бы, если бы он мне отвечал. Этого, к счастью, не случилось.

Само собой, родители ничего не знали. Я держал всё в тайне. Правда, и моя тяга к чистоте раньше была секретом. Мой друг Том первый заметил, что со мной что-то не так. На физике я вышел помыть руки, а когда вернулся, он уставился на меня, подперев голову.

— Мэтт, что с тобой такое?

Я моргнул.

— В смысле?

— Ты на каждом уроке бегаешь в туалет, и на переменах тоже, — прошептал он. — Всё в порядке?

Нет, не в порядке. Сколько бы я их ни мыл, руки всё равно казались мне грязными. Я никак не мог избавиться от этого неприятного ощущения. Поэтому и бегал в туалет весь день. Я не знал, как объяснить это Тому, — просто пожал плечами и уткнулся в тетрадку. После этого в школу я ходить перестал.

Дома можно было мыть руки сколько угодно, но мне не нравилась ванная комната. Она, как и школьный туалет, кишела бактериями. Пару недель назад я не выдержал и, пока мама была

на работе, вычистил там всё как следует. Время пролетело незаметно. Мама вернулась и застала меня за уборкой. Она смотрела разинув рот, как я протираю кран изнутри ватной палочкой, смоченной отбеливателем.

— Мэттью, что происходит? — спросила она, глядя на сверкающую белую плитку. Вид у мамы был такой, будто я разрисовал все стены фломастером. — Это уже слишком... Хватит. Прекрати.

Она шагнула ко мне. Я отшатнулся и упёрся спиной в раковину.

— Мэттью, давай поговорим. Что с тобой? Ты только посмотри на свои бедные руки...

Она потянулась ко мне, но я помотал головой:

— Не подходи, мам.

— Мэтти, солнышко, я просто хочу взглянуть на твои руки. Что с кожей?

Я спрятал руки под мышки.

— Это ожоги, Мэттью? Из-за отбеливателя? Ты же знаешь, что он не должен попадать на кожу?

— Всё в порядке, мам, не трогай меня.

Я быстро протиснулся в коридор и побежал в свою комнату. Дверь захлопнулась с громким стуком. Я плюхнулся на кровать. Ладони горе-

ли. Мама осталась за порогом. Она понимала, что лучше не входить.

— Солнышко, чем тебе помочь? Скажи, пожалуйста. Не молчи, Мэттью! Мы с твоим папой больше так не выдержим. Мне сегодня опять звонили из школы. Не могу же я без конца им врать, что у тебя вирус...

Она вдруг осеклась и всхлипнула. Я зажмурился и крикнул:

— Перчатки!

Тишина.

— Что?

— Резиновые перчатки. Одноразовые. Больше мне ничего не нужно. А теперь можешь уйти? Пожалуйста!

— Ладно, я... Я их поищу.

Вот такая история о моём тайнике. Не о пыльном сундуке с сокровищами, а о скучной коробке одноразовых перчаток. От ста штук осталось всего шестнадцать. Мама пообещала снабжать меня перчатками, а я поклялся ей больше не жечь кожу отбеливателем.

Папе мы и не думали рассказывать. Он бы не понял.